

*Белянин С.В.**

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ О ПРОШЛОМ:
ОТ СВИДЕТЕЛЬСТВА К ФОЛЬКЛОРУ.
КРУГЛЫЙ СТОЛ В РАМКАХ XXIV МЕЖДУНАРОДНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ
ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА»
(ОБЗОР)**

Аннотация. Обзор посвящен круглому столу «Концептуализация памяти о прошлом: от свидетельства к фольклору», состоявшемуся в рамках XXIV международной конференции «Модернизация России в условиях формирования нового мирового порядка». Круглый стол, организованный отделом культурологии ИНИОН РАН, состоялся 24 января 2025 г. В работе круглого стола приняли участие исследователи из России и Израиля. Участники обсудили границы применимости методов структурно-типологической фольклористики к материалам устной истории.

Ключевые слова. XXIV международная конференция «Модернизация России в условиях формирования нового мирового порядка»; устная история; фольклористика; указатели сюжетов; квазиисторический фольклор; международное сотрудничество.

Поступил: 10.02.2025 Принят к печати: 04.03.2025

**Белянин Сергей Владимирович – младший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; sergey.belyanin10@gmail.com*

Belyanin Sergey Vladimirovich – Junior Researcher at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; sergey.belyanin10@gmail.com

Для цитирования: Белянин С.В. Концептуализация памяти о прошлом: от свидетельства к фольклору. Круглый стол в рамках XXIV международной конференции «Модернизация России в условиях формирования нового мирового порядка» (Обзор) // Вестник культурологии. – 2025. – № 2(113). – С. 218–225. – DOI: 10.31249/hoc/2025.02.14

Belyanin S.V.

Conceptualization of the Past: From Testimony to Folklore. Round Table at the XXIV International Conference "Modernization of Russia in the Context of the New World Order" (Review)

Abstract. The review is devoted to the round table “Conceptualization of Memory of the Past: from Testimony to Folklore”, which took place within the framework of the XXIV International Conference “Modernization of Russia in the Context of Formation of a New World Order”. The round table, organized by the Department of Cultural Studies of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, took place on January 24, 2025. Researchers from Russia and Israel took part in the round table. The participants discussed the limits of applicability of the methods of structural-typological folklore studies to oral history materials.

Keywords: XXIV International Conference “Modernization of Russia in the Context of Formation of a New World Order”; oral history; folklore studies; plot indexes; quasi-historical folklore; international cooperation.

Received: 10.02.2025

Accepted: 04.03.2025

For quoting: Belyanin S.V. Conceptualization of the Past: From Testimony to Folklore. Round Table at the XXIV International Conference "Modernization of Russia in the Context of the New World Order" (Review) // Herald of Culturology. – 2025. – No.2(113). – P. 218–225. – DOI:10.31249/hoc/2025.02.14

В рамках XXIV международной конференции «Модернизация России в условиях формирования нового мирового порядка» состоялся круглый стол «Концептуализация памяти о прошлом: от свидетельства к фольклору», организованный отделом культурологии ИНИОН РАН.

Метод устной истории сегодня используется исследователями, работниками музеев и активистами, занятыми сохранением памяти о прошлом. Историки-любители и мемориальные активисты часто воспринимают рассказы о прошлом как свидетельства, свободные от политических оценок и отражающие реальное отношение людей к событиям прошлого. В исследовательской среде этот подход подвергся пересмотру благодаря открытиям историков, социальных психологов и антропологов. Сегодня рассказы о прошлом рассматриваются не как источник фактов, а, скорее, как манифестация ценностных моделей, характерных для того или иного сообщества. Другими словами, изучая рассказы о прошлом, исследователи интересуются не самими фактами, содержащимися в рассказах, а в основном механизмами «искажения» фактов в процессе устного бытования рассказов об исторических событиях. Например, как меняется рассказ об одном и том же персонаже или событии в разных социокультурных контекстах? Почему для объяснения причинно-следственных связей исторических событий люди используют те или иные сюжеты?

Наличие в рассказах о прошлом устойчивых структур и средств выразительности позволяет работать с ними методами фольклористики. Этот подход дает возможность по-новому взглянуть на интервью, хранящиеся в фольклорных архивах и медиатеках. Границам применимости методов фольклористики к рассказам о прошлом и был посвящен круглый стол в ИНИОН РАН. На круглом столе прозвучали доклады исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Калуги, Улан-Удэ и Иерусалима. Доклады можно условно разделить на три тематические группы. К первой группе относятся доклады, посвященные указателям квазиисторических сюжетов.

Инна Веселова (АНО «Пропповский центр») и **Андрей Степанов (СПбГУ)** предложили новый взгляд на устные рассказы из архива АНО «Пропповский центр». Фольклорная коллекция центра содержит записи, которые делались в течение последних 50 лет в Архангельской, Вологодской и Кировской областях. В коллекции Пропповского центра, помимо текстов традиционного фольклора – быличек, исторических преданий, песен и описаний обрядов, содержатся нарративы, в которых исторические обстоятельства занимают центральное место. Исследователи заметили, что рассказы о войне, голоде, раскулачивании и сталинских репрессиях часто строятся по моделям, характерным для традиционного фольклора (например, это характерно для рассказов о явлении ангелов, быличек о встрече с домовым или

лешим), но не имеют отчетливо демонологического характера. Авторы доклада выделили такие тексты в группу, названную «Реестр жизненных трудностей». Интерпретируя глобальные и локальные события по лекалам традиционной культуры, люди устанавливают между ними причинно-следственные связи. Наличие общих моделей интерпретации позволяет им объединиться во «вспоминающий коллектив», который находит объяснение и придает смысл каждому трагическому событию.

Екатерина Закревская (ИСл РАН) и Сергей Белянин (ИНИОН РАН) продолжили разговор о создании указателей сюжетов квазиисторических нарративов. Исследователи проанализировали рассказы о войне, оккупации и Холокосте, хранящиеся в медиатеке Еврейского музея и архиве АНО «Сэфер». В квазиисторических рассказах о Холокосте сложился определенный набор нарративных моделей, который помогает рассказчикам объяснять события прошлого. Ограниченный набор способов объяснения событий военного времени, представленный в текстах, позволяет создать каталоги сюжетов. В докладе исследователи представили актуальную структуру каталога, в котором 470 текстов распределены между 14 сюжетными группами, включающими в себя 58 сюжетов. Тексты описаны по метрикам – например, этническая самоидентификация, регион записи и т.д. Наличие метрик позволяет использовать каталог не только для хранения и систематизации нарративов о войне и Холокосте, но и для аналитической работы. Обширный временной и территориальный охват дает возможность выдвигать гипотезы о географическом распространении того или иного сюжета и его этнической приуроченности.

Валерий Дымшиц (ЕУСПб) представил указатель мотивов в рассказах о Рыбницком ребе. Указатель – это часть обширной коллективной монографии, рассказывающей о Хаиме-Занвле Абрамовиче, известном как Рыбницкий ребе. За свою долгую жизнь ребе успел пожить в трех государствах – советском Приднестровье, Израиле и США. В каждой из стран Рыбницкий ребе нашел последователей, среди которых циркулировали рассказы о чудесах, сотворенных цади́ком. Исследователи собрали агиографические тексты (бытующие устно и письменно) и показали, какие мотивы характерны для текстов, распространенных в разных сообществах (евреев Рыбницы, евреев Закарпатья, евреев-хасидов Нью-Йорка). Исследователь показал, что рассказы о чудесах Рыбницкого ребе, собранные среди евреев Закарпатья и Приднестровья, содержат больше вставных ходов. Например, чтобы

исполнить заповедь, цадику нужно заставить завестись неисправную машину, преодолеть сопротивление советских спецслужб, избежать встречи с дикими животными и т.д. В рассказах, бытующих в США, ребе сталкивается с меньшим числом трудностей, поскольку некоторые реалии, понятные советским евреям, не понятны американским.

Екатерина Закревская (ИСл РАН) посвятила свой доклад описанию механизмов трансформации, которую рассказы о прошлом проходят для того, чтобы из свидетельства превратиться в клишированный фабулат. Исследовательница показала механизмы трансформации текста на примере рассказов об одном и том же событии, записанных от свидетеля, представителей второго и третьего поколения.

Михаил Васильев (ИБ РАН; ИСАА МГУ; АНО «Сэфер») и **Анна Юдкина (АНО «Сэфер»)** рассказали о технических аспектах хранения архивов устной истории. Исследователи поделились опытом создания и работы с электронной базой «SFIRA»¹. База «SFIRA» – это общедоступный архив, позволяющий исследователям находить материалы по этнографии и истории советского еврейства. В докладе Михаил Васильев и Анна Юдкина рассказали о принципах обработки интервью и трудностях, с которыми сталкиваются создатели общедоступных цифровых архивов.

В следующий тематический блок вошли доклады, посвященные отдельным фольклорным мотивам в рассказах о прошлом. **Мария Каспина (Центральный архив истории еврейского народа)** сделала доклад об устойчивых мотивах в рассказах об эвакуации. В рамках проекта мемориального института Яд ва-Шем исследовательница записывала интервью с «детьми войны» – так принято называть людей, родившихся в 1930-х – начале 1940-х годов. В силу возраста они имеют отрывочные воспоминания об эвакуации. Часто дети войны не понимают или не знают истинные причины поведения взрослых, поэтому они встраивают в рассказы сюжеты, заимствованные из фольклора, литературы или кинематографа. Такое дополнение позволяет придать истории законченный и связный вид. В рассказах об эвакуации такими фольклорными заимствованиями являются мотивы о «подсказке», после которой старшие родственники принимают решение о необходимости скорейшего отъезда, мотив чудесной встречи с эвакуированными родственниками, мотив утраты и последующего возвращения ценностей.

¹ Подробнее с базой можно ознакомиться на сайте <https://sfira.org/>

Сергей Белянин (ИНИОН РАН) рассказал о фольклорных сюжетах, с помощью которых люди конструируют, описывают и интерпретируют прошлое. Большинству жителей постсоветского пространства неизвестны или непонятны истинные причины массовых убийств евреев в годы Второй мировой войны, поэтому для интерпретации случившегося они обращаются к языку фольклора. Один из примеров нерационального поведения соседей – отказ от эвакуации. Рассказчики объясняют нежелание евреев эвакуироваться тем, что они не хотели бросать ценное имущество. Подобные рассказы являются не отражением реальности, а манифестацией фольклорно-мифологического представления о богатом еврее. Такое представление хорошо известно славянскому населению и встречается в рассказах, не имеющих отношения к событиям военного времени.

Рассказ о богатом еврее, отказавшемся уезжать в эвакуацию и впоследствии погибшем, содержит скрытую моральную оценку. Другими словами, человек получает наказание за собственную алчность и жадность. Распространение такой истории позволяет рассказчику поддерживать иллюзию справедливого мира (это когнитивное искажение, которое заставляет людей верить, что за аморальные поступки неотвратимо следует наказание). Проанализировав корпус текстов, исследователь заметил, что подобные истории об отказе от эвакуации из-за нежелания бросать имущество рассказывают люди, идентифицирующие себя как евреев. Можно предположить, что распространение таких текстов помогает избавиться от чувства вины перед погибшими родственниками, переложив часть ответственности за произошедшее на жертву.

Анна Кирзюк (РАНХиГС) проследила, как фольклорный сюжет об «опасной машине» подменяет собой реальные свидетельства о преступлениях нацистов. В Краснодаре антрополог записала нарративы, согласно которым погибнуть в газвагене мог любой житель города вне зависимости от его этнической принадлежности или политической благонадежности. В докладе исследовательница показала, как нарратив, изначально созданный советской пропагандой во время Краснодарского процесса сначала закрепился в культурной памяти, а потом стал достоянием устной традиции. Нарратив о душегубках, по мнению Анны Кирзюк, выполняет компенсаторную функцию: Краснодар официально не признан «городом-героем» или «городом воинской славы», но известен как место, где проходили громкие процессами над коллаборантами. Рассказы о душегубках, в которых убивали жителей

города, позволяют рассказчикам представить его жителей как жертв нацистской оккупации и вписать город в большой нарратив о Великой Отечественной войне.

В следующий блок вошли доклады, посвященные квазиисторическому фольклору народов Северо-Восточной Азии.

Эльза-Баир Гучинова (ИАЭ РАН) сделала доклад о фольклорных мотивах в рассказах о депортации калмыков. Исследовательница рассказала о двух группах фольклорных мотивов, представленных в рассказах о депортации. В первую группу входят нарративы, построенные по модели былички о встрече с тотемическим предком – например, человеку из рода «волков» в критический момент является волчица, которая подсказывает, как избежать проблем с властями. Вторая группа нарративов появляется после депортации. Это клишированные рассказы о солдатах, помогавших депортированным, о добром отношении сибиряков к калмыкам и о приобщении к «высокой культуре», которое стало возможно благодаря депортации. Их цель – снять ответственность с властей за репрессии.

Александр Исаков (ИМБТ СОРАН) рассказал о фольклорных сюжетах, повествующих о принятии народами южной Сибири российского подданства. Среди народов Сибири бытует несколько сюжетов о принятии российского подданства. Например, сюжет о том, что русские цари являются потомками Чингисхана, то есть наследниками Золотой Орды, которым ханы завещали принять народ под свою опеку. Согласно другому сюжету принятие российского подданства происходит из-за проигрыша старого правителя русскому царю. Однако в устной традиции тюркских и монгольских народов Сибири существует и зеркальный сюжет о возвращении прежнего подданства или родных земель.

Сергей Неклюдов (РГГУ; РАНХиГС) посвятил доклад анализу нарративов о встречах со снежным человеком. Для описания механизмов построения таких сюжетов он предложил понятия «базы» – это фольклорно-мифологическое представление, известное рассказчику, и «казуса» – события, которое становится триггером для актуализации нарративной модели в каждом конкретном случае. Для того чтобы подобный нарратив появился, необходимо, чтобы рассказчик знал сюжет о снежном человеке – то есть обладал базой. Казусом будет конкретная встреча, которая интерпретируется носителями этого сюжета как встреча со снежным человеком. Например, европейские

путешественники, которые верили в существование снежного человека, часто видели «снежных людей» в медведях или монахах-отшельниках.

Последний блок докладов был посвящен памяти о недавнем прошлом и мемориальному активизму. **Михаил Остроухов (НИУ ВШЭ; РГГУ)** сделал доклад об устойчивых сюжетах в рассказах о 1990-х годах. В основу исследования лег корпус интервью с жителями Москвы. Принято считать, что отношение к событиям 1990-х маркирует политическую позицию человека. Однако записанные исследователем устные рассказы об этом времени оказались аполитичными: они не содержали объяснений или оценок произошедших в экономической и общественной жизни перемен. Собеседники описывали, скорее личный опыт и быт и делились чувствами, которые они испытали во время августовского путча 1991 г. и расстрела Белого дома в октябре 1993 г.

Роман Евстифеев (ИНИОН РАН) посвятил свой доклад топонимической практике во Владимире и Кентерберии. Выбор городов для сравнения был не случайным – они имеют средневековую историю, а в последние десятилетия в них работали топонимические комиссии, задача которых состояла в изменении названий городских улиц. Комиссии ставили перед собой разные задачи – так, во Владимире целью переименований было возвращение досоветских названий улиц, а в Кентерберии стремились сделать городскую топонимику более инклюзивной – например, увеличить количество улиц, названных в честь известных женщин. Автор провел статистическое сравнение топонимов в городах и показал, что работа по переименованию улиц не увенчалась успехом – во Владимире сохранилось большинство советских топонимов, а в Кентерберии улицы, названные в честь женщин, составляют меньшинство от общего числа городских топонимов.

Анна Казакова (ИНИОН РАН; КГУ им. Циолковского) и **Дарья Степанова (КГУ им. Циолковского)** рассказали о музеефикации калужских кладбищ. Докладчицы описали набор риторик, с помощью которых активисты пытаются доказать необходимость музеефикации того или иного кладбища. Исследовательницы проанализировали грантовые заявки и показали, что чаще всего заявители объясняют необходимость музеефикации того или иного объекта нуждами патриотического воспитания молодежи и сохранением памяти о значимых для города исторических деятелях.